

Архимандрит Иларион (Мокрицкий Роман Владимирович)

*аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

Адрес: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

E-mail: ilarionkiev@gmail.com

Этапы формирования украинской православной диаспоры в контексте эмиграционных процессов конца XIX – начала XXI века

Публикация посвящена анализу основных тенденций и причин переселения православных украинцев за пределы своей этнической земли. При этом акцент поставлен на общем анализе четырех волн эмиграции украинцев в западные страны и сделан вывод о том, что украинской православной диаспорой следует считать любого рода существование украинцев православного вероисповедания за пределами своего исторического проживания. Статья анализирует тему возникновения, этапы и причины миграционных процессов украинского населения в страны Старого и Нового Света. Акцентировано внимание на характеристике самых ранних переселенческих периодов православных украинцев за рубежом и на формировании первых диаспорных общин, существующих и сегодня. При этом указывается, что эмиграция украинцев православного вероисповедания в целом совпадает с общей эмиграцией, которую в отечественной историографии принято разделять на четыре официальных этапа – четыре эмиграционные волны: первая волна продиктована, в общем, экономическими мотивами; вторая и третья – это преимущественно политические переселения; четвертая – повторяет первую в ее экономической составной. Указано, что основными местами поселения украинских эмигрантов стали такие страны, как США, Канада, Аргентина, Бразилия, Австралия, страны Центральной, Восточной и Южной Европы. Статистика украинской диаспоры в наше время говорит о более чем 20 миллионах украинцев за пределами этнической земли.

Ключевые слова: Украина, украинцы, диаспора, эмиграция, переселение, церковь, православие.

Украинская православная диаспора на сегодняшний день является одной из самых многочисленных православных диаспор в мире. По данным Министерства иностранных дел Украины, в настоящее время за рубежом проживает около 20 миллионов украинцев и людей, имеющих украинское происхождение, которые уже ассимилировались с титульным этносом страны проживания, но сохраняют память о православии, а нередко и саму веру своих предков. В эту цифру включены и около семи миллионов украинцев, которые за годы независимости покинули страну и теперь постоянно или временно проживают за рубежом.

Вместе с тем украинская православная диаспора сегодня является одной из самых неорганизованных диаспор. Пастырским окормлением украинцев за рубежом занимается и Русская Православная Церковь, и такие поместные церкви, как Константинопольская, Александрийская, Сербская, Румынская, Польская, Американская, Чешско-Словацкая. Отдельно следует отметить огромную активность в этой сфере и Украинской грекокатолической церкви. Ситуация усугубляется еще и тем, что часть украинских эмигрантов симпатизирует последней, что создает сложности в жизни и деятельности Православной Церкви. Все эти факторы придают актуальность нашему исследованию и говорят о необходимости более серьезного изучения истории формирования и развития тематики украинской православной диаспоры, особенно акцентируя внимание на внутренних процессах, происходящих в среде православных украинцев за рубежом. Поэтому целью исследования и является анализ исторических аспектов становления украинской православной диаспоры и этапов ее развития.

Отметим, что историография проблемы миграции православных украинцев из украинских этнических земель на Запад до настоящего времени не была предметом отдельного исследования, хотя научные поиски в этом направлении имели место. Большинство работ небольшие по объему и содержанию, зачастую исследуют указанную тематику или поверхностно, или довольно субъективно, что говорит о необходимости нового, более подробного анализа указанной темы.

В исследовательской литературе до недавнего времени выделялись три основные волны массового переселения украинцев за границу со второй половины XIX в. и до 1990-х годов XX в.

«Условные хронологические рамки первой волны охватывают период с последней четверти XIX в. до начала Первой мировой войны, второй – время между двумя мировыми войнами, третьей – период после Второй мировой войны» (Троциньский, 1999. С. 29).

Однако современная ситуация такова, что за последние несколько лет произошел новый виток в эмиграционном процессе переселения украинцев за границу, что породило в истории название новой, четвертой волны эмиграции. Поэтому на современном этапе «историки говорят о четырех волнах массовой эмиграции, которые, дополняя друг друга, то интенсивнее, то медленнее формировали мировую диаспору на протяжении достаточно длительного периода времени» (Дробко, 2006. С. 304).

Понятие украинской диаспоры возникло сравнительно недавно и в современной исследовательской науке «охватывает различные категории людей украинского происхождения с разной степенью связей с исторической родиной: украинское население на смежных украинских этнических землях, которые сейчас не входят в состав Украины; (...) социально-экономическую (заробитчанскую) эмиграцию с конца XIX в. преимущественно в западное полушарие; политическую эмиграцию после 1917–1920 гг. и с конца Второй мировой войны; индивидуальных разного времени и по разным причинам украинских эмигрантов, которые в новых местностях своего пребывания стремятся сохранить этническую идентичность и поддерживать связи с Украиной» (*Трощинський, 1999. С. 20*).

Если обобщить, то под украинской диаспорой на современном этапе исследователи понимают «совокупность украинцев (лиц украинского происхождения), которые проживают за пределами Украины» (*Колесніченко-Братунь, 2002. С. 6*), то есть украинец диаспоры – это «лицо, проживающее за пределами Украины, имеющее этническое происхождение, сохраняющее украинское культурно-языковое самосознание и не являющееся гражданином Украины» (*Бабута. История, 2013. С. 147*).

Такое понятие формировалось довольно длительное время, когда разные группы украинского населения, в различной исторической обстановке оказывающиеся за пределами родины, считались то беженцами, то изгнанниками, то временными и нелегальными иммигрантами, а то и просто апатридами – «лицами без гражданства» (*Юридичні терміни, 2004. С. 21*).

Чаще всего самые мощные волны эмиграции из Украины «были обусловлены социально-экономическими причинами» (*Пархоменко, 2011. С. 55*). То есть причинами переселений украинского населения на новые земли становилось

«чрезвычайно сложное положение украинского крестьянства, которое страдало от притеснений и издевательств со стороны австро-венгерских властей. Трудолюбивые украинские земледельцы, мечтой которых издавна было свободное владение собственным земельным наделом, отправлялись в отдаленные уголки мира, которые обещали им эту самую землю» (*Дробко, 2006. С. 304*).

При этом следует отметить, что первые эмиграционные периоды, примерно с середины XIX в., характеризовались всего лишь оживлением так называемого «заробитчанского» движения. То есть даже при самых благоприятных обстоятельствах, когда эмиграция планировалась в довольно развитую страну, как, например, в Аргентину, которая «к началу XX века считалась едва ли не самым богатым государством в мире» (*Федоровская, 2012. С. 12*), эмиграция украинцев рассматривалась как «временное вынужденное явление, не как переселение и полный разрыв с краем, а пусть хоть длительные, но только заработки» (*Балагутрак, 2011. С. 550*).

Каждый переселенец планировал свою поездку как кратковременную, с последующим возвращением домой. И этот изначальный настрой на временное пребывание в чужой стране отражался на всем образе жизни эмигрантов: часто украинцы «не только не прилагали усилий для интеграции в общество стран поселения, а, наоборот, всячески противились этому. Эмигрант, который становился на путь натурализации (получение гражданства страны поселения), считался чуть ли не “потерянным”» (*Трощинський, 1999. С. 17*) для родных.

Однако часто переселения украинцев в новые земли заканчивались поездкой в один конец, с оседанием на постоянное место жительства. Поэтому «за совсем короткий отрезок времени оно (заробитчанское переселение) приобрело совершенно иной характер, заставив историков заговорить именно об украинской эмиграции, а впоследствии и о диаспоре» (*Дробко, 2006. С. 304*).

Также следует подчеркнуть, что даже во время преобладания экономической эмиграции украинцев одной из важных причин покидания родной земли часто становились причины политического характера. Мотивами таких политических эмиграций становились «дискриминация украинской культуры, традиций, языка, притеснения и преследования, а нередко и угроза неминуемой расправой за малейшие проявления национального самосознания, отстаивания права украинского народа самому определять свою судьбу» (*Трощинський, 1999. С. 29*). К таким причинам часто присовокуплялись и религиозные – преследование по признаку принадлежности к той или иной религиозной конфессии.

Период со второй половины XIX века и до начала XX в., в общем до 1914 года, принято называть началом «первой волны» массовой украинской эмиграции.

Целью первой эмиграции был Американский континент. Но к нему украинцы добирались через Европу, часть из них оседала во многих западноевропейских странах. «По социальному статусу первые украинские иммигранты в Европе были безземельными крестьянами из Галичины и Закарпатья, стремившиеся улучшить свое материальное положение» (*Бабута. Українские, 2012. С. 214*). Часто к ним примыкали и переселенцы из других западноукраинских земель – Волыни, Холмщины, Полесья, Буковины. «По разным данным, за период с 70-х годов XIX в. до 1914 года первой волной эмиграции из Украины “унесло” около 500 тыс. человек» (*Дробко, 2006. С. 304*). «Только из подросийских Холмщины, Волыни и Полесья за океан до Первой мировой войны эмигрировало 50 тыс. украинцев» (*Енциклопедія Українознавства, 1955–1957. С. 632*). При этом украинцы составляли подавляющее большинство, иногда и стопроцентное, в новых православных общинах, организованных в местах поселения. Как отмечает ряд исследователей, в частности и Э. Нитобург, к 1914 г. около 43% православного населения США составляли этнические украинцы, в некоторых церковных приходах численность последних достигала 80% (*Бабута. Історія, 2013. С. 143*).

Исследователи сходятся на том, что первым официальным украинским эмигрантом в Америку был Андрей Онуфриевич Гончаренко, родившийся 19 августа 1832 г. на Киевщине. Выходец из семьи священника, он получил богословское образование и в 1857 г. прибыл в Грецию как иеродиакон

Православной Церкви при русском посольстве. 1 января 1865 г. А. Гончаренко прибыл в Бостон, а оттуда переехал в Нью-Йорк, где занялся богословско-просветительской деятельностью в греческой и русской колониях. Заработав денег, он купил русский шрифт и уехал в Сан-Франциско для основания типографии. Там в 1868–1872 гг. издавал двухнедельник «Аляска Геральд» на русском и английском языках (*Зубалий, 1998. С. 20–21*).

Но началом массовой эмиграции украинцев в США все же принято считать 1877 г., когда группа крестьян-украинцев из Закарпатья и Галичины прибыла на шахты восточной Пенсильвании. С этого времени приходится начало массовой украинской трудовой эмиграции. Этот период между 1877 и 1899 гг. принято называть временем «первой волны» массовой украинской иммиграции в США. Численность ее, по оценкам разных исследователей, колеблется от 150 до 200 тысяч человек.

Эти «переселенцы первой волны оседали преимущественно в городах, работая на металлообрабатывающих заводах Пенсильвании, Нью-Йорка, Нью-Джерси, Монтаны, Огайо, принимали участие в строительстве железных дорог. Гонимые за океан нищетой, украинские крестьяне мечтали о будущей достойной жизни. В 1884 г. в местности Шенандоа в штате Пенсильвания возникла первая община из всех украинских эмигрантов, прибывших в США. Эти первые украинские поселенцы были по вероисповеданию грекокатоликами. Свои первые церкви они построили в Гардентоне в 1897 г., в поселении Толстой в 1898 г., в Стюартборне в 1899 году. Но постоянных священников у переселенцев не было, только иногда заезжали украинские или французские католические священники» (*Ярмусь, 2003. С. 472*).

На рубеже XIX–XX вв. первые украинские эмигранты-униаты в Америке вернулись в православие. Толчком к возврату этих поселенцев к вере отцов стало их недовольство

«дискриминационной политикой Ватикана в управлении грекокатолическими общинами за океаном, сам факт их подчинения латинским епископам, стремившимся приблизить восточный обряд этих эмигрантов к обряду латинскому, преследования украинских священников латинскими епископами, принуждение записывать грекокатолические церкви и их имущество на римско-католические епископства и т. д.» (*Филипович, 2003. С. 20*).

Такая же ситуация в то время сложилась и в Канаде. Верующие грекокатолики приняли решение «вернуться к вере отцов – Православной Церкви». Это был период массового перехода украинских грекокатоликов в православие. Процесс возвращения западноукраинских униатов в США в православие был организован грекокатолическим священником Алексием Товтом в 1891 г. Сам он был родом из Закарпатья, видный богослов, профессор канонического права. В марте 1891 г. «грекокатолический приход в Миннеаполисе с о. Алексием Товтом перешел в юрисдикцию еп. Владимира (Соколовского) Русской Православной миссии в Америке» (*Миненко, 2003. С. 457*). Со временем стараниями отца Алексия в православие было возвращено более 50 приходов в Америке.

Первая эмиграционная волна имела главным образом социально-экономические мотивы, «диктовалась строгими экономическими законами:

избыток рабочей силы в одном месте (...) стимулировал ее “перекачку” на другие территории или в другие страны, где в ней была потребность» (*Трощинський, 1999. С. 29*). Таким образом, украинское население, в большинстве своем по вероисповеданию православное, стремясь освоить новые земли по экономическим причинам, сформировало и новую религиозную карту этих территорий. При этом следует учесть, что первые переселенцы были в основном грекокатоликами Галичины, которые, эмигрировав зачастую большими «партиями» за рубеж, там опять возвращались в православие, к вере своих отцов.

Вторая волна эмиграции украинцев приходится на период 1920–1930-х годов XX века (*Погромський, 2013. С. 76*). На сей раз пунктом назначения переселенцев была прежде всего Европа или страны Ближнего Востока, но в конечном итоге многие из них вновь оказались в Америке и даже в Австралии. Особенно массовой эта волна эмиграции стала сразу после Октябрьской революции 1917 г. и интенсивно продолжалась в различные страны до 1921–1922 гг. Эта новая волна эмигрантов состояла из переселенцев распавшейся Австро-Венгерской империи – уже не только из грекокатоликов Галичины, которых и на этот раз было довольно много, но и, хотя и значительно меньше, из православных эмигрантов-буковинцев (*Цинко, 2013. С. 203*). К этим переселенцам второй волны также присоединилась мощная волна православных переселенцев из западного региона бывшей Российской империи, главным образом из Волыни и Полесья. Кроме них в Америку ехали украинцы из других украинских губерний: Киевской, Подольской, Екатеринославской, Херсонской, Таврической, так что среди эмигрантов второй волны было достаточно православных переселенцев и с юга современной Украины. Это были представители так называемой белой эмиграции, которые через Европу перебирались на Американский континент.

Среди эмигрантов второй волны «были представители практически всех классов и сословий, начиная от членов бывших правящих классов и кончая рабочими: лица, живущие за счет своих капиталов, государственные чиновники, врачи, ученые, учителя, военные и многочисленные промышленные и сельскохозяйственные рабочие, крестьяне» (*Сабенникова, 1997. С. 158*). При этом волна эмигрантов оказалась рассредоточенной по многим странам мира и отличалась высокой степенью миграционных переездов. «Это объясняется, прежде всего, необходимостью поиска работы эмигрантами, а также увеличением миграции в начале и в конце учебного года среди молодого поколения беженцев, нуждающегося в получении или продолжении образования» (*Сабенникова, 1997. С. 163*). Отдельные исследователи считают, что переселенцев второй волны «лучше определять термином «беженцы» (*Трощинський, 1999. С. 29*), поскольку значительная часть эмигрантов искала убежища на Западе, опасаясь преследований новой большевистской власти.

Третья волна эмиграции – период после Второй мировой войны – довольно малочисленна. В основном это были или беглецы из Советского Союза из-за своих политических взглядов, или остарбайтеры Германии, не желавшие возвращаться в СССР. «Из них русские составляли лишь 7%; большинство были украинцами (32,1%)...» (*Ульянкина, 2003. С. 241*). Украинские «иммигранты этого периода составляли отличительный социальный тип от предыдущих иммигрантов: это были университетские профессионалы, техники, профессиональные рабочие, купцы, военные, политические деятели, художники, деятели культуры и пр.» (*Василик, 1982. С. 20*).

Третья волна переселений, таким образом, в основном носила характер политической эмиграции. Та часть украинцев, которая из-за политических соображений не вернулась на родину, а осталась в западных оккупационных зонах Германии, находилась главным образом в лагерях для беженцев и перемещенных лиц.

«В лагерях, – пишут исследователи, – встретились украинцы из разных земель: из Великой Украины, Галичины, Волыни, Закарпатья и Буковины. Была это невероятная смесь людей – партийные и беспартийные; бывшие узники; рядовые красноармейцы и полковники; писатели и неграмотные; сознательные патриоты и русифицированные: крестьяне, рабочие, специалисты, люди с высшим образованием. (...) Тяжелые условия проживания в лагерях, неопределенность правового статуса и, следовательно, – их дальнейшей судьбы, хозяйственная разруха первых послевоенных лет в Германии порождали массовую безработицу и делали перспективы на будущее призрачными, – все это заставляло украинцев искать пути для переселения в другие западные страны. (...) Эти страны набирали тогда шахтеров, лесорубов, строителей, рабочих для текстильной промышленности» (*Троцинський, 1999. С. 35*).

Часто переселения в новые перспективные страны при всем желании украинцев освоиться там и предложить свои услуги заканчивались горькими разочарованиями: власть данных стран руководствовалась лишь собственными интересами, которые заключались только в том, чтобы получить молодую рабочую силу. Новые эмигранты часто ощущали открытое враждебное отношение к себе. Это усиливало среди них чувство отчужденности от остального общества и стремление создать на новой почве, особенно в сельской местности, «своеобразные “малые Украины”, то есть ячейки с характерными признаками культурной, общественной, экономической жизни украинцев» (*Троцинський, 1999. С. 77*).

Четвертая волна выезда из Украины началась в период с конца 1980-х годов и особенно заострилась во время распада Советского Союза. Эта волна продолжается и в наше время и уже, по статистическим данным, «в количественном отношении превосходит все три предыдущие вместе взятые» (*Троцинський, 1999. С. 36*). Совокупное количество эмигрантов с Украины на 2012 год составляло не меньше 6,5 млн человек.

Топонимика эмиграционных поселений украинцев довольно разнообразна и объемлет значительную часть стран мира, особенно в Европе и Америке. Однако не все поселения украинцев за пределами своей родины следует считать чисто эмигрантскими. Так, «украинские этнические группы в Польше, Румынии, Венгрии, Чехии и Словакии принадлежат к автохтонным (коренным). На исторических землях, которые сегодня входят в состав этих государств, предки украинцев жили с давних времен» (*Бабута. Украинские, 2012. С. 215*). Поселенцы в этих странах – это в основном не иммигранты, а этнические коренные группы. Остальные страны мира принимали украинцев именно как иммигрантов.

Первой приняла украинцев Европа. При этом главной целью переселенцев были поиски работы, другие рассматривали перемещение в Европу как

необходимый промежуточный этап для переселения в Канаду и США. То есть в Европе украинские переселенцы останавливались часто только по дороге в Америку. Таким образом возникали украинские диаспоры в Боснии и Герцеговине, Франции, Англии и Германии.

Первая волна украинских переселенцев, искавших себе лучшей жизни за пределами Австро-Венгерской и Российской империй, хлынула через океан и докатилась до Гавайских островов. В 1877 г. так называемая «трудова эмиграция» высадилась в США, в 1890 году – в Аргентине, Бразилии, Парагвае и Канаде. Сейчас в этих странах проживают потомки первых переселенцев в шестом, седьмом поколениях. «Забегая вперед, скажем, что именно в США и Канаде организовалась мощная украинская община, которая впоследствии сыграла едва ли не важнейшую роль в формировании мировой украинской диаспоры» (Дробко, 2006. С. 304).

При переселении украинцы часто выбирали те страны, где им предлагали земельные наделы. Земля издревле была главной их ценностью. В этом плане «на первом месте среди привлекательных для поселения стран были Бразилия и Аргентина» (Дробко, 2006. С. 304). Переселению украинцев в Латинскую Америку поспособствовала и ««бразильская лихорадка» (1895–1897), во время которой из Восточной Галичины в Бразилию эмигрировало 12 тыс. украинских крестьян» (Франків, 2008. С. 70). Довольно привлекательными в плане получить земельный участок были также США и Канада.

При второй волне, в послевоенные годы, украинские эмигранты первыми выбирали Австрию, Германию, Румынию и Югославию, но прежде всего как временное убежище. При этом

«немало украинских эмигрантов оставили Польшу и Австрию и переехали во Францию, частично в Бельгию и на Американский континент. В Европе главными очагами украинской эмиграции в то время стали Прага, Варшава, Берлин, Париж, Вена, где развивались различные сферы украинской политической и культурной жизни» (Енциклопедія Українознавства, 1955–1957. С. 634).

До конца 1920-х гг. окончательно оформились как главные центры, так и периферийные поселения украинской политической эмиграции в европейских странах. К первым изначально принадлежали Польша и Чехословакия. Вскоре к ним добавились Германия и Франция. Зато потеряла свое значение одного из центров украинской политической эмиграции Австрия, в частности ее столица Вена. На территории ряда других европейских государств – Бельгии, Болгарии, Югославии, Италии, Турции, Швейцарии, Финляндии, Венгрии, Англии и т. д. – находились периферийные поселения украинской политической эмиграции. Промежуточное положение все время занимала Румыния. Наряду с названными выше факторами, которые вызвали постепенное уменьшение общего количества украинской политической эмиграции в Европе, сыграло свою роль и переселение части эмигрантов за океан, в основном в Канаду.

В третью волну, после Второй мировой войны, за пределами Украины оказалось более трех миллионов украинцев.

«Иммигранты этого периода – преимущественно «перемещенные лица» («ди-пи» – displaced persons). Большинство «ди-пи» – люди, насильственно вывезенные с территорий, оккупированных Германией, в качестве рабочей силы. Часть украинцев, оказавшихся в Германии и других странах Западной и Центральной Европы, – военнопленные, содержащиеся в лагерях. Именно эти две группы стали основным источником пополнения украинских общин в США, Канаде, Южной Америке и положили начало формированию украинской диаспоры в Австралии» (*Бабута. Украинские, 2012. С. 214*).

Это были бывшие военнопленные, те, кто перед возвращением советской власти, боясь политических преследований, покинули родину. Большинство из них были репатриированы. Однако около 300 тыс. украинцев избежали этой процедуры, расселившись впоследствии во многих странах мира.

Среди государств, которые больше других приняли украинских беженцев этого периода, – США, Канада, Австралия, Великобритания. За два года – 1946–1947 – из Западной Германии выехало около 25 тыс. украинцев. Они преимущественно селились в Англии, Бельгии и Франции. Те, кто был помоложе и чувствовал себя в силе, эмигрировали в дальние страны, прежде всего в Бразилию, Венесуэлу, Австралию и Канаду.

После пятидесятих годов украинцы мало выезжали за пределы страны. Только «в конце 1960-х и в 1970-х гг. в Западную Европу и в Северную Америку переселилось небольшое количество лиц украинского происхождения из Польши, Югославии и Чехословакии» (*Трощинський, 1999. С. 36*).

За последние годы украинцы выезжают за рубеж

«из-за недовольства своим экономическим и социальным положением, а иногда и из-за политических мотивов. Некоторая часть украинцев, в основном из западных областей Украины, выехала на постоянное проживание в страны Запада по приглашению родных. Этот выезд с территории уже независимой Украины через различные, прежде всего социально-экономические, причины в 1990-е гг. относительно большого количества граждан на постоянное проживание за границу получил название четвертой волны украинской эмиграции» (*Трощинський, 1999. С. 36*).

При этом современная топонимика переселений как дополняет предыдущие (США, Канада, Германия, Польша), так и образует новые центры поселения украинцев в Италии, Испании, Португалии, Великобритании, Венгрии и др. Хотя следует констатировать, что в последние два-три года поток эмигрантов из Украины существенно сократился, особенно в такие страны, как Польша, Италия, Испания, Португалия, Франция и США, что подтверждается многими миграционными службами.

Дать характеристику структуре украинской эмиграции при первой, да и при второй волне, причинами которой стали мировая война, революция и поражение в борьбе за независимость Украины, весьма непросто. Здесь исследователь сталкивается с несколькими проблемами.

«Во-первых, ни в то время, ни позже никто не вел общей статистики выхода украинцев на эмиграцию. Во-вторых, если речь идет о собственно политической украинской эмиграции, то фактически создалось две эмиграции – из Надднепрянской Украины и из Галичины и Буковины. Каждая из них имела несколько отличное лицо и весьма несхожую историю. В-третьих, значительная часть эмигрантов, украинцев по происхождению, оказалась за рубежом в так называемом русском эмигрантском комплексе, выделять из которого этих людей можно только условно. В-четвертых, в межвоенный период в ряде европейских стран находились эмигранты-галичане, которые выезжали сюда на сезонные или длительные заработки» (Троцинський, 1999. С. 31).

Самой массовой была первая волна эмигрантов.

«Вторая волна эмиграции уступает первой. Дело в том, что этот период характеризовался принятием новых иммиграционных законов в США, которые ограничивали ежегодную квоту иммигрантов из Восточной Европы. Канада также сократила прием иммигрантов, особенно несельскохозяйственного профиля» (Троцинський, 1999. С. 33).

К тому же переселенцы часто сильно мигрировали, причем не только из страны в страну, но с континента на континент в поисках работы, что «делало невозможным точный учет и анализ состава эмиграции» (Сабенникова, 1997. С. 163).

При всех эмиграционных волнах «выбытие населения практически никогда не компенсировало прибытие» (Малиновская, 2013. С. 5). То есть украинцы в конечном итоге все-таки оседали в определенное время в определенных местах. Именно это обстоятельство позволяет сделать попытку статистического обзора украинской диаспоры.

Первая волна характеризуется массовыми выездами на Американский континент. Известно, что до Первой мировой войны в США эмигрировало более 350 тысяч украинцев, в Канаду – соответственно от 100 тысяч. До 1914 года в Аргентине поселилось более 10 000 украинцев из Галичины.

После войны, во время второй эмиграционной волны, в страны Старого и Нового Света опять выехала значительная часть украинского населения. Так, в Канаду переселилось около 70 тысяч украинцев, в США – от 20 до 40 тыс., в Аргентину – приблизительно 50 тыс., в Бразилию – 10 тыс., в Парагвай, Уругвай и Венесуэлу вместе – около 10 тыс. (Троцинський, 1999. С. 33).

С 1916 по 1938 г. с Западной Украины эмигрировали в Канаду 71 тыс. человек, в США – 11 тыс., в Аргентину – 46 тыс., в Бразилию – 8 тыс., во Францию – 35 тыс. чел. За 1919–1938 гг. с Волыни и Полесья эмигрировало около 50 тыс. человек православного вероисповедания. Значительные волны миграции с Восточной и Центральной Украины припадают на конец 1920 года. В начале 1921 года количество украинских эмигрантов из этой территории в западноевропейских странах достигло 100 тыс. человек (Заставний, 1991. С. 16–18). Тогда же для переселенцев с центральных районов Украины в западных районах, тогда находившихся в составе Польши, создавались временные комитеты помощи эмигрантам на пути в Европу и Америку. Такой

Временный комитет существовал во Львове (*Wiszka, 2004. S. 426*) и содержал филии – представительства в Тарнове, Ченстохове и Калише, предоставляя не только эмигрантские услуги переселенцам, но и помощь в средствах голодающим в Приднепровской Украине (1922 год) и др.

Во время третьей волны эмиграции, на исходе Второй мировой войны, между Польшей и Украиной был осуществлен обмен населением: из Украины в Польшу выехало 800 тыс. поляков, а из Польши в Украину – до полумиллиона украинцев. Тогда же заметной стала эмиграция из Украины в США (330 тысяч украинцев), в Израиль (250 тыс.) и Германию (200 тыс.).

Четвертая волна «эмиграции на Запад начала нарастать в период “перестройки”, когда запреты на выезд из СССР ослабели» (*Малиновская, 2013. С. 5*). Статистика этой волны часто весьма разноречива, но все-таки, если учитывать опыт статистического подсчета Всемирного форума украинцев и Мирового конгресса украинцев, на начало 2000-х годов украинская диаспора в Италии составляла 500–800 тыс. украинцев, в Испании – до 400 тыс., в Польше – от 100 до 300 тыс., 100 тыс. – в Чехии. Только в период с 1987–1996 гг. на Запад эмигрировало почти полмиллиона жителей Украины. Больше всего эмигрантов поселилось в Израиле, США и Германии. В Канаду только за девяностые годы эмигрировало около 30 тыс. украинцев (*Макар, 2006. С. 171*). Сегодня этот эмигрантский поток значительно снизился.

На сегодняшний день вне Украины проживает более трети украинского этноса: за пределами Украины сегодня насчитывается как минимум 13 млн украинцев. При этом отдельные специалисты доводят это число до 20 миллионов (вероятнее всего, включая в это число временных заробитчан). «В это число входят как те, которые осознают себя украинцами, так и те, которые только по своему этническому происхождению частично или полностью являются ими» (*Трощинський, 1999. С. 21*). При этом следует учесть, что

«любые статистические данные о численности украинцев и об их расселении в современном мире, к сожалению, достаточно условны. Дело в том, что не во всех странах учитывается этническое происхождение населения. А там, где это делается, национальная принадлежность часто фиксируется по странам выхода иммигранта. Поэтому значительное количество украинцев, которые оставили родную землю тогда, когда Украины как отдельной политической единицы еще не существовало, записано в документах австрийцами, русскими, румынами, поляками и т. д.» (*Трощинський, 1999. С. 20*).

Кроме того, существует отдельная статистика государственная, общественных организаций и церковная. Их данные по этническому составу населения существенно отличаются.

При каждом переселении украинцы, как и любые другие эмигранты, «прежде всего думали о бытовых условиях, мобилизовали все возможные ресурсы, чтобы только преодолеть хозяйственно-бытовые проблемы» (*Павлюк, 2010. С. 508*). Освоение новых мест требовало немалых усилий и терпения. Первые поселенцы проявили себя весьма трудолюбивыми, смысленными и набожными людьми. Часто иноземцы, характеризуя украинцев, пишут:

«Они крайне трудолюбивы (...) Были случаи, что (они) засевали три или четыре раза в году свои поля, постоянно истребляемые муравьями, с таким терпением и упорством, которых трудно найти среди итальянцев, испанцев или других национальностей (...) Они живут экономно, питаются хорошо, ухаживают пристально за своим скотом. (...) за каждый сэкономленный грош покупают коров и лошадей (...) Преступность между ними пропорционально незначительна; они высокоморальны, женятся рано, а их женщины отличаются плодовитостью...» (Василик, 1982. С. 17)

На новых, часто необжитых и диких землях «приживаться украинцам было не просто – присущая большинству украинцев концентричность, сентиментальность, оказавшись в иноэтнической среде, подвергалась испытаниям на устойчивость и выживание...» (Павлюк, 2010. С. 508) Дикие пустынные места не случайно доставались первым поселенцам из Украины: для местных они были просто рабочей силой из далекой страны – потому худшая жгучая земля, населенная туземцами и местными грабителями, часто отдавалась украинцам практически «даром».

Распространившись по многим странам мира, прежде всего Европы, ощущая бедность и лишения повседневной жизни, украинские эмигранты все же не превратились в безликую человеческую массу.

«Они показали достаточные внутренние силы для самоорганизации и таким образом – для сохранения себя как части украинского этноса, оторванной по указанным выше причинам от его ядра. Этому способствовала деятельность созданных эмигрантами в местах их скопления многочисленных общественных и культурно-просветительных учреждений» (Троциньский, 1999. С. 30).

В каждой новой стране украинцами интенсивно «открывались школы, впоследствии и институты, в которых преподавались украинский язык, литература и многие другие дисциплины» (Бабута. История, 2013. С. 142–143). «Имея свободное воскресенье, несмотря на усталость, голод и расстояние, украинский скиталец оставлял все и спешил на (...) богослужение, ногами, на велосипеде, поездом, часто преодолевая десятки километров» (Филипович, 2003. С. 22). То есть, несмотря на трудность жизни, при всем своем акцентировании на бытовых условиях украинцы всячески оберегали и сохраняли свою веру и спешили посетить церковь.

Немало помогали эмигрантам их соотечественники на родине. По подсчетам исследователей, в начале Первой мировой войны в заокеанские страны переселилось почти 500 тыс. галицких украинцев. Такая ситуация вызвала серьезную обеспокоенность в широких кругах общественности, поставив на повестку дня вопрос об общественной опеке над эмиграцией. В связи с такой ситуацией 14 ноября 1895 г. украинские политики созвали во Львове доверительное совещание. На этом совещании было принято решение о создании эмиграционного комитета, который получил задание «посредничать в продаже земли в христианские руки, указывать эмигрантам цель эмиграции в страны, где они могут получить лучшее будущее, направить эмиграцию в США, заверить эмигрантам дешевый переезд

и охранять их от эксплуатации» (Франків, 2008. С. 71). Такие комитеты создавались и в других городах Украины как координационные группы для переселения за границу на работу с целью преодоления бедности и безработицы.

Но главная тяжесть эмиграционной жизни легла, конечно же, на плечи самих переселенцев. Украинцы прежде всего создавали определенные организации, которые помогали им освоиться в новой среде и защитить свои права иммигрантов.

«Одной из первых организаций такого рода был Русский народный союз, основанный в 1894 г. В 1915 г. его название было изменено на Украинский народный союз. И по сей день этот союз остается крупнейшей общественной организацией американских украинцев» (Бабута. *История*, 2013. С. 143–144).

При этом вступление в организацию и жизнь в общине – культурной, церковной – являлись своего рода барометром, средством защиты от ассимиляции в инородной среде. Поэтому

«ведущими характеристиками деятельности украинских иммигрантских сообществ становятся: установление связей с исторической родиной, формирование религиозных, молодежных, общественных, культурных объединений и организаций. Наряду с церковью влиятельными становятся различные общества взаимопомощи, помогающие адаптироваться в непривычных условиях» (Бабута. *История*, 2013. С. 143).

Множество организаций, в том числе и церковных, возникло после Второй мировой войны, во время третьей эмиграционной волны, поскольку именно ее составляли люди довольно образованные и политически грамотные. Среди ведущих украинских общин появились не только работники в сельском хозяйстве или лесоперерабатывающей отрасли (Кужель, 2008. С. 73), но и «молодые адвокаты, экономисты, социологи, психологи, философы, теологи и т. д.» (Василик, 1982. С. 43). Таким образом в сороковых – пятидесятых годах XX века в украинской диаспоре возникли Ассоциация украинских адвокатов, Украинская медицинская ассоциация, Ассоциация украинских журналистов, Украинская ассоциация профессоров, Ассоциация украинских библиотекарей, Ассоциация украинских преподавателей. Многие из них издавали украинские журналы, организовывали тематические конференции, проводили различные мероприятия. С 1967 г. существует координирующий общественный орган,

«занимающийся проблемами украинской диаспоры, – Мировой конгресс украинцев, президентом которого является А. Лозинский. Конгресс объединяет общественные, религиозные и молодежные организации, общим числом около 100 в 25 странах мира» (Бабута. *История*, 2013. С. 147).

Среди самых влиятельных организаций украинской диаспоры в настоящее время можно выделить Конгресс украинцев Канады, Украинскую

американскую координационную Раду, Союз украинских организаций в Австралии. В наше время такие и подобные им

«организации украинской диаспоры в разных странах оказывают посильную помощь в обустройстве вновь прибывших, в частности в оформлении необходимых документов, изучении местного языка, обучении детей в школе и др. Однако диаспорные общественные структуры могут лишь частично способствовать решению ряда сложных проблем, с которыми сразу же сталкиваются новоприбывшие. Многое зависит от усилий самих эмигрантов...» (Троциньский, 1999. С. 40)

Украинцы мощно вливались в инородную среду, но при этом твердо хранили и отчасти сохранили до сих пор свои этнокультурные особые черты.

«К важным этническим признакам, которые отличали украинцев от других жителей (...) можно отнести собственно и антропологическое выражение украинцев, украинские имена и фамилии, места компактного проживания, товарищеские связи и т. д.» (Балагутрак, 2011. С. 551).

К тому же «мощными маркерами украинской идентичности становятся вышивка, этнический строй, писанка, язык, устная история и этническая память, религиозная принадлежность и миссионерская деятельность церкви» (Балагутрак, 2011. С. 550). При этом каждая украинская община является отражением общества в крае: владеет собственной церковью, колокольней, кладбищем, школой.

Церковь сыграла самую ведущую роль в иммигрантской среде украинцев. С постройки храма начиналось любое новое поселение, вокруг церкви концентрировалась вся культурная, общественная и даже предпринимательская жизнь украинцев на чужбине. «Оторванные от матерной культуры, переселенцы группировались вокруг культивируемых в родном крае ценностей церкви» (Сапеляк, 2014. С. 187).

Учитывая духовные потребности миллионной украинской диаспоры на Западе, остро встала проблема храмов, их оборудования. Приезжие украинцы были небогаты, поэтому в первой половине XX века новые храмы в странах поселения почти не строились:

«Представители первой (1890–1910 гг.) и второй (1918–1930 гг.) волн эмиграции устраивали временные церкви в домах нецерковного назначения, покупали или снимали храмы в местных римско-католических и различных протестантских общинах. Эмигранты ставили в них иконостасы с нарисованными кем-то из членов общины иконами (реже – с привезенными народными образами из Украины), пытались, по возможности, придать интерьерам этих приспособленных церковей традиционный украинский вид» (Филипович, 2003. С. 21).

Именно церковь становилась центром собирания украинской общины, местом встречи разных поколений и переселенцев из разных регионов,

а часто и местом защиты гражданских прав, неким защитным барьером от ассимиляции в часто инородной среде. Украинцы, принадлежащие к

«Православной Церкви, не только строили храмы, но и с самого начала стремились поставить под свой контроль формирование общественной жизни и создавали при приходах местные общества взаимопомощи, которые получили название «братств» и «сестринств». Местные сообщества объединялись в более крупные региональные со своими печатными органами, читальнями и другими учреждениями. Нередко они брали на себя и социальную защиту иммигрантов. За небольшую плату общества взаимопомощи обеспечивали страхование в случае заболевания, потери трудоспособности или смерти. Иммигрантов располагало и то обстоятельство, что здесь работали сотрудники, говорящие на украинском языке» (*Бабуца. История, 2013. С. 143*).

Создание сестринских организаций поспособствовало организации женских сообществ. «Женские украинские организации существуют с 1897 г., когда образовалась первая сестринская община. Многие молодежные организации появились в межвоенный период» (*Бабуца. История, 2013. С. 144*). Кроме того, созданы и молодежные организации, как, например, Украинская лига молодежи и Организация украинской ортодоксальной молодежи.

Объединение вокруг церкви поспособствовало украинской православной диаспоре бережно сохранить не только язык, но и традиции, православие.

«Сегодняшние достижения украинской эмиграции, в частности достижения церкви в разных странах поселения, – это следствие кропотливой работы и жертвы нескольких поколений, в т. ч. и целых поколений духовенства, церкви с ее организационной структурой: приход – епархия – верные, священник, епископ» (*Филипович, 2003. С. 21*).

Разбросанные по всему миру украинцы явились некими носителями православия среди зачастую неправославного населения, создавая, таким образом, местные православные церкви.

Таким образом, эмиграция украинцев православного вероисповедания в целом совпадает с общей эмиграцией, которую в отечественной историографии принято разделять на четыре официальных этапа – четыре эмиграционные волны. Первые три из них занимают период с конца XIX века до 1950 года с некоторыми перерывами, а четвертая – это современная эмиграция, главным образом эмиграция после 1990 г. Первая волна эмиграции продиктована в общем экономическими мотивами, вторая и третья – это преимущественно политические переселения, а четвертая – повторяет первую в ее экономической составной. Все четыре волны становились носителями не только своеобразного национального быта и культуры украинцев, но и религиозных взглядов. Будучи православными, украинцы переносили свою веру на инородную почву, создавая таким образом основу будущей православной диаспоры за пределами матерней земли. Таким образом, украинской православной диаспорой считаем любого рода существование украинцев православного вероисповедания за пределами своего исторического проживания.

Література

Бабута М. Історія формування української діаспори в Новому і Новішому Світі (кінець ХІХ–ХХ вв.) // *Ізвестія Томського політехнічного університету*. Т. 322. № 6. 2013.

Бабута М. Українські етнолокальні групи в Східній Європі (кінець ХІХ–ХХ вв.) // *Ізвестія Томського політехнічного університету*. Т. 321. № 6. 2012.

Балагутрак М. Континенти української ідентичності // *Народознавчі зошити*. № 3 (99) / 2011.

Василик М. Українські поселення в Аргентині. Мюнхен, 1982.

Дробко Е. Трудова міграція та українська діаспора за кордоном // *Університетські наукові записки*. № 2 (18). 2006.

Енциклопедія Українознавства. Словникова частина / *Гол. ред. В. Кубійович*. Париж; Нью-Йорк: Молоде життя, 1955-1957. Т. 2.

Заставний Ф. Українська діаспора. Розселення українців у зарубіжних країнах. Львів, 1991.

Зубалій О. Історія української діаспори: Навч. посібник для студентів вузів. К.: ІЗМН, 1998.

Колесніченко-Братунь Н. Співробітництво дипустанов з діаспорою (посібник з практичної дипломатії). К., 2002.

Кужель Л. Українські календарі (1914-1939) в Аргентині і Бразилії як джерело інформації про західно-українську книгу // *Записки Львівської наук. б-ки ім. В. Стефаника*. 2008. Вип. 1 (16).

Макар В. Канадські українці: їх кількість і сучасне становище // *II Міжнародний конгрес українських істориків: Українська історична наука на сучасному етапі розвитку*. Кам'янець-Подільський; Київ; Нью-Йорк; Острогож, 2006. Т. 2.

Малиновская Е. Внешние миграции населения Украины периода независимости // *Демоскоп Weekly*. № 563–564 (19 августа – 1 сентября) / 2013.

Міненко Т. Українська Православна Церква діаспори в її інституційному багатоманітті // *Історія релігії в Україні: у 10-ти т. / Релігія і Церква в історії української діаспори*. Т. 9. К.: Український видавничий консорціум та УАР, 2003.

Павлюк С. Острівці українського життя на Південноамериканському континенті // *Народознавчі зошити*. № 5-6/2010.

Пархоменко Н. Українська трудова міграція в контексті глобалізації // *Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Українознавство*. 15/2011.

Погромський В. Проблема міграції з українських етнічних земель до Аргентини у вітчизняній історіографії // *Історичний архів. Наукові студії: Збірник наукових праць*. Миколаїв: Вид-во МДГУ ім. Петра Могили. Вип. 7, 2013.

Сабенникова И. Русская эмиграция как социокультурный феномен // *Мир России*. № 3 / 1997.

Сапеляк О. На сторожі українства // Народознавчі зошити. Серія історична. № 2 (116), 2014.

Трощинський В. Українці в світі. К.: Альтернативи, 1999.

Ульянкина Т. Толстовский фонд: участие в судьбах русских ученых-эмигрантов // Россия и современный мир. № 3 (40). М., 2003.

Федоровская О. Аргентина. Здесь в паспорте ставят штамп «конец света» // Православный паломник. Журнал-путеводитель. № 5 (май) / 2012.

Филипович Л. Українські Церкви як чинник само ідентифікації українців у діаспорі // Історія релігії в Україні: у 10-ти т. / Релігія і Церква в історії української діаспори. Т. 9. К.: Український видавничий консорціум та УАР, 2003.

Франків І. Товариство св. Рафаїла у Львові (1907–1914) // Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. 17/2008.

Ціпко І. Історія досліджень про українців Аргентини // Українознавство. № 1 / 2013.

Юридичні терміни. Тлумачний словник / В. Гончаренко, П. Андрушко, Т. Базова та ін.; за ред. В. Гончаренка. 2-ге вид., стереотипне. К.: Либідь, 2004.

Ярмусь С. Формування феномену Українського Православ'я в Америці // Історія релігії в Україні: у 10-ти т. / Релігія і Церква в історії української діаспори. Т. 9. К.: Український видавничий консорціум та УАР, 2003.

Wiszka E. Emigracja ukraińska w Polsce 1920-1939. Torun, 2004.

Archimandrite Ilarion Mokritsky (Roman V. Mokritsky)

*Post-graduate, Saints Cyril and Methodius Theological
Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies*

Address: bldg. 1, 4/2 Pyatnitskaya St., 115035 Moscow, Russian Federation

E-mail: ilarionkiev@gmail.com

Stages of Formation of the Ukrainian Orthodox Diaspora as Part of Emigration Processes in the Late XIX through Early XXI Centuries

The paper discusses key trends and factors of orthodox Ukrainians' emigration from their ethnic homeland. It focuses on the general analysis of four waves of Ukrainian emigration to the Western countries and suggests that Ukrainian Orthodox Diaspora should be seen as Ukrainians of Orthodox faith living outside their historic land in any form or format. The paper studies the origin, stages and factors of Ukrainians' migration to the Old and New World. It emphasizes the key features of the initial periods of Orthodox Ukrainians' emigration and development of the earliest Diasporas that exist to date. In particular, the Orthodox Ukrainians' emigration is shown to generally coincide with the general emigration. The latter, according to the local history studies, is traditionally split into four formal stages or waves: the 1st mainly driven by economic factors; the 2nd and 3rd by political reasons; and the 4th encouraged by the economics just like the 1st. Notably, key destinations of Ukrainian emigrants were the USA, Canada, Argentina, Brazil, Australia, and Central, Eastern and Southern Europe. To date, Ukrainian Diaspora statistics suggest that over 20 million ethnic Ukrainians dwell outside their historic motherland.

Keywords: Ukraine, Ukrainians, Diaspora, emigration, moving, Church, Orthodox.

References

- Babuta M. Istoriya formirovaniya ukrainskoy diaspory v Novom i Noveyshem svete (konets XIX-XX vv.) [History of the Ukrainian Diaspora formation in the New and Newest World (late 19th through 20th century)] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Proceedings of Tomsk Polytechnic University, 2013, t. 322, no 6, pp. 142-148, (In Russian).
- Babuta M. Ukrainskiye etnolokal'nyye gruppy v Vostochnoy Yevrope (konets XIX-XX vv.) [Ukrainian local ethnic groups in Eastern Europe (late 19th through 20th century)] // Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta – Proceedings of Tomsk Polytechnic University, 2012, t. 321, no 6, pp. 214–217, (In Russian).
- Balahutrak M. Kontynenty ukrayins'koyi identychnosti [Continents of Ukrainian Identity] // Narodoznavchi zoshyty – Nation study notebooks, 2011, no 3 (99), pp. 50–51, (In Ukrainian).
- Drobko E. Trudova mihratsiya ta ukrayins'ka diaspora za kordonom [Labor Migration and Ukrainian Diaspora Abroad] // Universytet-s'ki naukovi zapysky – University scientific notes, 2006, no 2 (18), pp. 302–309, (In Ukrainian).
- Entsyklopediya Ukrayinoznavstva. Slovnykova chastyna [Encyclopedia of Ukrainian Studies. Dictionary part] / Hol. red. V. Kubyovych. Paryzh; N'yu-York: Molode zhyttya, 1955–1957, t. 2, 688 p. (In Ukrainian).
- Fedorovskaya O. Argentina. Zdes' v pasporte stavyat shtamp «konets sveta» [Argentina. Here they stamp your passport with "End of the World"] // Pravoslavnyy palomnik. Zhurnal-putevoditel' – Orthodox pilgrim. Guide magazine, 2012, no 5, pp. 12, (In Russian).
- Frankiv I. Tovarystvo sv. Rafayila u L'vovi (1907–1914) [St. Raphael Society in Lviv (1907-1914)] // Ukrayina: kul'turna spadshchyna, natsional'na svidomist', derzhavnist' – Ukraine: cultural heritage, national awareness, statehood, 2008, no 17, pp. 67–72, (In Ukrainian).
- Fylypovych L. Ukrayins'ki Tserkvy yak chynnyk samoidentyfikatsiyi ukrayintsiv u diaspori [Ukrainian Churches as a factor of Ukrainians' self-identification in the Diaspora] // Istoriya relihiyi v Ukrayini: u 10-ty t. / Relihiya i Tserkva v istoriyi ukrayins'koyi diaspory – History of Religion in Ukraine in 10 volumes / Religion and Church in the history of the Ukrainian Diaspora, v. 9, K.: Ukrayins'kyy vydavnychyy konsortsium ta UAR, 2003, pp. 17–24, (In Ukrainian).
- Kolesnichenko-Bratun' N. Spivrobitnytstvo dypustanov z diasporoyu (posibnyk z praktychnoyi dyplomatiyi) [Diplomatic Relations with the Diaspora (Practical Diplomacy Manual)]. K., 2002, 266 p. (In Ukrainian).
- Kuzhel' L. Ukrayins'ki kalendari (1914–1939) v Arhentyini i Brazyl'iyi yak dzherelo informatsiyi pro zakhidno-ukrayins'ku knyhu [Ukrainian calendars (1914-1939) in Argentina and Brazil as a source of information about the West Ukrainian books] // Zapysky L'vivs'koyi nauk. b-ky im. V. Stefanyka – Notes of the V. Stefanyk Lviv Scientific Library. 2008, no 1 (16), pp. 72–75, (In Ukrainian).
- Makar V. Kanads'ki ukrayintsi: yikh kil'kist' i suchasne stanovyshche [Canadian Ukrainians: Their Amount and Status] // II Mizhnarodnyy konhres ukrayins'kykh istorykiv: Ukrayins'ka istorychna nauka na suchasnomu etapi rozvytku [2nd International Congress of Ukrainian Historians: Ukrainian Historical Science in Contemporary Stage]. Kamyanets'-Podil's'kyy; Kyyyiv; Nyu-York; Ostroh, 2006, t. 2, pp. 171–176, (In Ukrainian).
- Malinovskaya Ye. Vneshniye migratsii naseleniya Ukraine perioda nezavisimosti [Ukrainians' Emigration in the Independence Period] // Demoskop Weekly – Demoscope Weekly, 2013, no 563–564, pp. 1–22, (In Russian).
- Minenko T. Ukrayins'ka Pravoslavna Tserkva diaspory v yiyi instytutsiynomu bahatomanitti

[The Ukrainian Diasporic Orthodox Church and its Institutional Diversity] // Istorija relihiyi v Ukrayini: u 10-ty t. / Relihiya i Tserkva v istoriyi ukrayins'koyi diaspory – History of Religion in Ukraine in 10 volumes / Religion and Church in the History of the Ukrainian Diaspora, v. 9. K.: Ukrayins'kyy vydavnychyy konsortsiy ta UAR, 2003, pp. 453–471, (In Ukrainian).

Parkhomenko N. Ukrayins'ka trudova mihratsiya v konteksti hlobalizatsiyi [Ukrainian labor migration in the context of globalization] // Visnyk Kyivskoho natsional'noho universytetu imeni Tarasa Shevchenka. Ukrayinoznavstvo – Bulletin of the Taras Shevchenko Kyiv National University. Ukraine Studies, 2011, no 15, pp. 55–57, (In Ukrainian).

Pavlyuk S. Ostrivtsi ukrayins'koho zhyttya na Pivdennoamerykans'komu kontynenti [Spots of Ukrainian life in the South America] // Narodoznavchi zoshyty – Nation study notebooks, 2010, no 5–6, pp. 506–508, (In Ukrainian).

Pohroms'kyy V. Problema mihratsiyi z ukrayins'kykh etnichnykh zemel' do Arhentyiny u vitchyznyaniy istoriografiyi [Migration from Ukrainian ethnic lands to Argentina as a subject of the national historiography] // Istorychnyy arkhiv. Naukovi studiyi: Zbirnyk naukovykh prats' – Historical archive. Scientific studios: Collection of scientific works. Mykolayiv: Vyd-vo MDHU im. Petra Mohyly, 2013, no 7, pp. 76–78, (In Ukrainian).

Sabennikova I. Russkaya emigratsiya kak sotsio-kul'turnyy fenomen [Russian emigration as a social and cultural phenomenon] // Mir Rossii – World of Russia, 1997, no 3, pp. 155–184, (In Russian).

Sapelyak O. Na storozhi ukrayinstva [Guarding the Ukrainian] // Narodoznavchi zoshyty. Seriya istorychna – Nation study notebooks. The history section, 2014, no 2 (116), pp. 187–188, (In Ukrainian).

Troshchyns'kyy V. Ukrayintsi v sviti [Ukrainians in the World]. K.: Al'ternatyvy, 1999, 352 p. (In Ukrainian).

Tsipko I. Istorija doslidzhen' pro ukrayintsiy Arhentyiny [History of Study of Argentinian Ukrainians] // Ukrayinoznavstvo – Ukraine Studies, 2013, no 1, pp. 203, (In Ukrainian).

Ul'yankina T. Tolstovskiy fond: uchastiye v sud'bakh russkikh uchenykh-emigrantov [Tolstoy Foundation: dedication to the lives of Russian emigrant scientists] // Rossiya i sovremennyy mir – Russia and the modern world, 2003, no 3, pp. 241, (In Russian).

Vasylyk M. Ukrayins'ki poselennya v Argentini [Ukrainian settlements in Argentina]. Myunkhen, 1982, 345 p. (In Ukrainian).

Wiszcza E. Emigracja ukraińska w Polsce 1920-1939 [Ukrainian Emigrants in Poland 1920–1939]. Torun, 2004, 752 p. (In Polish).

Yarmus' S. Formuvannya fenomenu Ukrayins'koho Pravoslav'ya v Amerytsi [Establishment of the Ukrainian Orthodoxy in America] // Istorija relihiyi v Ukrayini: u 10-ty t. / Relihiya i Tserkva v istoriyi ukrayins'koyi diaspory – History of religion in Ukraine in 10 volumes / Religion and Church in the History of the Ukrainian Diaspora. K.: Ukrayins'kyy vydavnychyy konsortsiy ta UAR, 2003, t. 9, pp. 471–493. (In Ukrainian).

Yurydychni terminy. Tlumachnyy slovnyk [Law terms. Thesaurus] / V. Honcharenko, P. Andrus'hko, T. Bazova ta in.; za red. V. Honcharenka. 2-he vyd., stereotypne. K.: Lybid', 2004, 320 p. (In Ukrainian).

Zastavnyy F. Ukrayins'ka diaspora. Rozselennya ukrayintsiy u zarubizhnykh krayinakh [Ukrainian Diaspora. Spreading of Ukrainians in foreign countries]. L'viv, 1991, 248 p. (In Ukrainian).

Zubaliy O. Istorija ukrayins'koyi diaspory: Navch. posibnyk dlya studentiv vuziv [History of the Ukrainian Diaspora: textbook for university students]. K.: IZMN, 1998, 148 p. (In Ukrainian).